

Антон Быковский

МЕНЬШЕ НУЛЯ

АНТОН БЫКОВСКИЙ

Меньше нуля

«Издательские решения»

Быковский А.

Меньше нуля / А. Быковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902395-7

Жестокий мир крупных бизнесменов. Серьезные игры взрослых мужчин. Сделки, алкоголь, смерть друга и бизнес-партнера. «Меньше нуля»: узнай, как ведут дела те, кто рулит твоими деньгами, из новой книги Антона Быковского!

ISBN 978-5-44-902395-7

© Быковский А.
© Издательские решения

Содержание

ЕЩЕ ОДНО НЕВАЖНОЕ УТРО	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Меньше нуля

АНТОН БЫКОВСКИЙ

© Антон Быковский, 2018

ISBN 978-5-4490-2395-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наше основное отличие от нынешнего менеджмента крупных корпораций в том, что мы всегда брали из прибыли, никогда из убытков. Если бы нам сказали, что так можно, мы бы очень удивились.

Михаил Ходорковский

По данным независимых исследователей, размер откатов в крупных российских корпорациях, в том числе и частных, составляет 50—70% от размера всех контрактов. Это делает коррупцию крупнейшим рынком в национальной экономике. На практике это означает, что, покупая упаковку гречки в магазине около дома за сто рублей, вы платите 50 коррумпированному менеджеру по закупкам розничной сети, маркетологу международного бренда, собирающего откаты с рекламных агентств, менеджеру по логистике, использующему компанию-контрактатора, зарегистрированного на его тещу, десятку московских чиновников и в конце менеджеру торговому зала, придумавшему новую схему манипуляции складскими остатками.

В игре, которая называется «Большой распил», нет зрителей на трибунах, все участвуют в ней в одинаковой мере. Если вам кажется, что вы – нет, значит, скорее всего, вы один из сотен миллионов обыкновенных лохов, чьи деньги стараниями таких, как я, перетекают в карманы коррумпированных менеджеров с дипломами ведущих вузов мира. Вы уж извините, но у меня активная жизненная позиция – если у тебя нет выбора, участвовать или не участвовать, я предпочитаю не сидеть на скамейке запасных.

Дождь лил все утро, черные ветви деревьев отражались в пузырящейся воде. Пейзаж был похож на черно-белое фото в Instagram. Я поднялся на палубу выкурить сигарету. Моя лодка назвалась «Сесилия» и была пришвартована в заливе Риддарфьерден рядом с другими катерами и яхтами. Некоторые из них выглядели вполне респектабельно. «Сесилия» на их фоне была похожа на бедную родственницу – приземистая посуда, не слишком старательно выкрашенная коричневой краской, кое-где краска уже потрескалась, на палубе валялись какие-то доски, выцветший от времени бесформенный плащ и несколько пустых бутылок из-под виски. Я докурил и потушил сигарету в старой консервной банке. Силуэт Стокгольмской ратуши виднелся сквозь пелену дождя, здание казалось непривычно темным.

До недавнего времени я был гендиректором агентства с мало к чему обязывающим названием New True Media, мы занимались тем, что называлось управлением репутацией в digital. На жаргоне рекламщиков digital – это все, что имеет отношение у интернету. Интрига здесь вот в чем: по ряду исторических причин нашим клиентам нет необходимости беспокоиться о том, что расскажут о них крупные традиционные медиа – те находятся под жестким контролем и согласились соблюдать определенный набор правил, требующий от них если и сообщать какой-то негатив, то строго по указке соответствующих людей в соответствующих кабинетах, расположенных в районе метро Китай-Город. Другое дело интернет, здесь... Не то, чтобы здесь

могли вам сообщить что-то, чего вы точно не знали, но здешние жители имеют привычку говорить разные вещи без оглядки на то, какую это может вызвать реакцию.

Я в принципе достаточно добрый и милый человек, и если я кого-то и не люблю, то исключительно по веским причинам, едва ли в мой список ненависти попадает больше 85% населения земного шара, и я вас уверяю, в этом я намного добрее и позитивнее большей части человечества. И все же во главе моего списка бесспорно находятся эффективные менеджеры – самоуверенные молодые люди с накокаиненными носами и дипломом какого-нибудь европейского университета менеджмента второго эшелона (потому что Insead по прежнему слишком дорог) в портфеле. К несчастью, Филипп относился как раз к этой категории, когда он полгода назад появился на пороге моего кабинета, я сразу понял, что у меня, возможно, крупные проблемы. Филипп был главой департамента внешних связей крупной нефтяной компании. Когда он впервые пришел ко мне, его предложение было примерно таким: «Наши хотят присутствовать в интернете, но тот интернет, который есть сейчас, им не нравится, так что нужно сначала его переделать, чтобы он нравился нашему руководству. Деньги у нас, как ты понимаешь, есть».

Где-то год я пытался переубедить его, что, возможно, стоит не пытаться переделывать под свои вкусы весь интернет целиком, а ограничиться его небольшой частью. В целом это сводилось к тому, что мы создали для них парочку «стерильных» ресурсов, где топ-менеджеры клиента выступали со своим мнением, а специально нанятые сотрудники нашего подрядчика, отвечавшего за накрутку аудитории, старательно изображали «простых людей из интернета», которые всячески поддерживали мнение наших благодетелей.

– Привет, Вова, – с нездоровым энтузиазмом поприветствовал меня Филипп, – у нас наконец появилась для вас серьезная задача...

– То есть те проекты, которые мы делали раньше – несерьезные? – попробовал я сбить его с мысли, что мне, впрочем, не удалось.

– Ты видел выступление нашего шефа в пятницу? – поинтересовался он тоном, не предполагающим возможности отрицательного ответа.

Шеф Филиппа попал на федеральные каналы с одним незамысловатым сюжетом. Он должен был докладывать руководству страны об открытии какого-то очередного завода, или нефтяного терминала – пиарщики не обязаны в этом разбираться – видеомост задержался на полчаса. Все это время шеф в прямом эфире без шапки проторчал на ледяном ветру при тридцатиградусном морозе. Когда его собеседник наконец вышел на связь, топ-менеджер выглядел сильно замерзшим, но по-прежнему полным энтузиазма.

– Да, видел, надеюсь, он не сильно простудился, – дипломатично заметил я.

– Он отморозил уши, – драматическим голосом ответил Филипп.

– Простите, не расслышал?

– Уши он отморозил, такое впечатление, что не он, а ты, Вова! – недовольно отозвался Филипп.

– Святые угодники! Ну, сочувствую. Но мы-то здесь при чем? Я же не этот... как это называется, отоларинголог...

– Вова, твоя контора вообще-то должна следить о том, как нас упоминают в блогосфере, если мне не изменяет память, мы даже вам за это платим, – начал свирепеть Филипп.

– Да, конечно, мы все мониторим, и мне приходит сообщение, если возникла какая то критическая ситуация, но насколько мне известно, ничего такого не происходило...

– Вова, твою ж за ногу! Шеф сегодня с утра поехал на охоту, как ты знаешь, он по выходным часто это делает. И какой-то приятель показал ему на планшете... это... как это называется, когда рисуют всякие мудацкие картинки в Photoshop со смешными надписями, что-то, кажется, из животного мира...

– Фотожаба это называется...

– Вот вот, какая-то жаба. И там его изображают в виде этой самой жабы какие-то задроты малолетние. Мужики ржут... Ну ты понимаешь, нехорошая ситуация...

– Да, неприятно, – неуверенно произнес я.

– А он еще с ушами этими. В общем, сейчас он мне звонил и предложил их того, ликвидировать.

– В каком смысле ликвидировать? Удалить картинки из интернета?

– Нет, фотожабщиков этих, в прямом смысле, то есть физически...

– Прикольнo, а при чем тут ты и тем более я, у него вроде бы хватает специальных людей, которые этими вопросами занимаются...

– Ну ты же понимаешь, что это будет иметь самые трагические последствия? – уже почти жалобно произнес Филипп, чего я, собственно, и добивался.

– Ну это будет довольно невесело, – произнес я, как мне казалось, со значением, – и ты хочешь, чтобы мы предложили вам какой-то альтернативный вариант развития ситуации?

– Я думаю, это ваша прямая обязанность в рамках нашего сотрудничества, – произнес Филипп, к которому быстро вернулась часть его самоуверенности.

– Я тебя услышал...

– Ты в курсе, что это одна из самых тупых фраз, которые можно было произнести в подобной ситуации?

– Дорогой друг, – произнес я, пытаясь поудобнее устроиться в кресле, – в этот самый момент я начал тщательно обдумывать нюансы решения нашей маленькой проблемы. Пока я могу тебе сказать только одно. Самое худшее в этой ситуации – пытаться начать тушить пожар. Все наши попытки сделать это приведут к тому, что он разгорится сильнее. Единственный способ решить эту проблему – раздуть рядом другой пожар, намного сильнее первого. Если в процессе немного пострадает здоровье наших общих знакомых любителей Photoshop – возможно, это покажется твоему руководству адекватным ответом на их обиды. Ну или, к примеру, эти блогеры заедут в СИЗО на полгода, я пока еще не решил. Так что если это все, что ты можешь мне сообщить полезного, я был бы благодарен, если бы ты дал мне возможность немного подумать в гордом одиночестве.

– Я тебя услышал, – произнес Филипп.

Когда за ним закрылась дверь, я включил компьютер и бегло ознакомился с фотожабами на замороженного начальника Филиппа. Или следовало назвать его слегка отороженным, сложно сказать. Мне понравилась только одна карикатура, где уважаемый менеджер был прифотошоплен к кадрам с изображением Джека Николсона в финальных кадрах фильма «Сияние». Довольно талантливые ребята, подумалось мне, можно подумать о том, чтобы как-то их использовать после того, как все закончится.

На час дня я назначил встречу с Вадимом. Вадим был уникальным человеком, придумавшим, как делать бизнес на городских сумасшедших. Если вам нужно привлечь внимание к выставке малоизвестного художника, затрагивающего в своем творчестве тему религии, позвоните Вадиму, и выставку разгромят православные активисты. Нужно понизить продажи конкурирующей сети парфюмерных магазинов – звоните Вадиму, и к вечеру магазины этой сети окажутся под атакой радикальных феминисток, хотите, чтобы группа веганов устроила скандал в стейк-хаусе вашего конкурента – вы знаете, куда вам звонить.

Такси высадило меня в десяти минутах ходьбы от ресторана в районе Стрелки, движущийся навстречу людской поток наводил на мысли, что в этом районе Москвы кто-то ввел фейс-контроль, лица и одежда людей наводили на мысли о дешевой рекламе жилого комплекса среднего класса, авторы которой пытались убедить свою целевую аудиторию в том, что мы все уже давно стали европейцами. Я прошел мимо здания, занятого офисами креативных сотрудников, проедавших деньги, украденные хозяевами офиса где-то далеко отсюда в намного менее приветливых местах. В ресторане было пустынно, как всегда бывает в районе 12 дня в местах, где бизнес-ланч стоит одну десятую часть зарплаты среднего офисного сотрудника.

Вадим расположился в дальнем углу заведения, он деловито заказал спагетти с камчатским крабом и белое вино, я ограничился кофе. Большинство рестораторов в России рассчитывают, что посетители будут платить в первую очередь не за еду, а за пару часов, проведенных в месте, аренда которого сравнима с бюджетом небольшой африканской страны, поэтому если вы попытаетесь обмануть систему и закажете кофе и стакан минералки, то заплатите столько же, сколько ваш собеседник за пасту, но еще и окажетесь голодным.

– Я прочитал твои вводные, – произнес Вадим, изучая бутылку принесенного официантом вина. – Мне кажется, оно слишком холодное.

Работник общепита испуганно пропал.

– Так вот, я придумал тебе историю, практически под ключ, даже делать почти ничего не нужно. Я бы ее и без тебя повернул, но с тобой будет веселее. Нет, унесите, я передумал, я буду тоже кофе, – сказал он вернувшемуся официанту.

– Слушаю тебя...

– Ты знаешь, есть такой известный мужик на парфюмерном рынке, Дроздов, у него крупное химическое производство, собственный бред духов, косметики и всякой там бытовой химии.

– Не слежу, если честно...

– Это тот Дроздов, который обозвал министра культуры отвратительным маскулинным животным за то, что оно сказал, что нужно запретить фильмы про геев.

– А, это тот Дроздов, который пидор?

– Да он самый. ДроздоФФ. Кстати мне тут рассказали шикарную историю из регионов. Один местный бандит купил своей жене сеть салонов красоты, ну, чтобы она дома не торчала и ему мозг не выедала. Ну купил и уехал куда-то, то ли на разборки, то ли в отпуск с любовницей, не суть. И это девушка заказала креативному агентству своей подруги, жены другого бандита, брендинг и фирстиль. Ну сделали, все нормально, бандит возвращается, смотрит на все это, а там бренд агентства называется «КутузоFF». Он ей говорит: «Слыш, а ты в курсе вообще, что Кутузов одноглазый был, да и вообще со внешностью у него было так себе в целом?» В общем, та к подруге: «Чо за дела?» Слово за слово, в общем убили их всех, и бандита, и жену его с агентством, у второго мужа были какие-то очень крутые связи там, – Вадим неопределенно махнул рукой куда-то в сторону.

– Отличная история, но ты отвлекся, причем тут Дроздов?

– Смотри, твоего нефтяника обидел один чувак-видеоблогер Over 21, так?

– Ну типа того, давно хотел спросить, почему он Over 21 вообще?

– Это вроде как «до 16», только по-американски, не отвлекай! В общем расклад такой – Over 21 делает видео про этого Дроздова с наездом по поводу его ориентации и вообще с посылом, что он петух по жизни. Дроздов подает на Over 21 в суд, он это точно сделает, потому что он обидчивый и вообще идиот, а если не сделает, есть там определенные связи, чтобы ему присоветовали. После этого уже мы едем к Over 21 на родину и снимаем второе видео, типа неверные менты по заказу Дроздова ворвались к нему в квартиру, повредили ему физиономию, ну и еще что-нибудь там, типа напугали бабушку-ветерана так, что у нее ноги отказали. Для Over 21 очевидный профит, пара миллионов просмотров за пару фингалов на морде, очень

неплохой вариант, Дроздова все полоскать будут, как меня просил мой заказчик, неважно кто, а тебе тоже неплохо, про твоего нефтяника-отморозка все забудут, блогеру начистят рыло, как он и просил, все счастливы.

– А неверных ментов ты где возьмешь?

– А нафига они нужны, дверь ему снимем аккуратнo с петель, фингал под глазом как-нибудь организуем, это дело нехитрое. А менты скажут прессе, что никуда не ездили и вообще, мол, гнусная клевета...

– ...После чего все окончательно поверят, что вся эта история чистая правда.

– Именно!

– Слушай, а круто! – произнес я. – Позови, что ли, официанта своего, я бы выпил все же по бокальчику, все же время уже к двум...

– Ага, как раз полпервого, – оптимистически откликнулся Вадим, – только я тебе помогаю при одном условии, что ты мне тоже кое в чем поможешь...

– Твою ж мать, я предполагал, что все на самом деле не так хорошо, как показалось на первый взгляд...

– Да там дело пустяковое, тебе понравится, еще и денег заработаешь.

– Твое прошлое пустяковое дело закончилось тем, что мы клиента в багажнике из города вывозили чтобы он мог вылететь из Пулково. Ладно, рассказывай.

– В общем тут один оператор сотовой связи устроил лотерею, типа «Пошли SMS и выиграй миллиард» или что-то в этом роде, ты когда сюда ехал, наверняка видел щиты рекламные на эту тему.

Я кивнул.

– Так вот, интрига вот в чем: эти SMS для самой компании стоят копейки, практически ничего не стоят, приз тоже, как ты понимаешь, десятки доли от того бабла, что они по всей стране соберут, ну реклама там каких-то денег стоит. А главное, электронные сообщения – это же ничто фактически, кто там знает, сколько их было на самом деле, то есть компания, конечно, знает, но если ты вице-президент, курирующий этот проект, то компания может в цифрах слегка ошибиться. Тем более что, как известно, на лотерейную деятельность нужна отдельная лицензия, которой у сотового оператора нет и быть не может, поэтому оператором лотереи будет сторонняя компания, которая по чистой случайности принадлежит школьному товарищу того самого вице-президента...

– Ну да, классная схема, мне-то ты зачем это рассказываешь, их же почти никак не могли отследить?

– Не могли да, это верно, но проблема в том, что они решили сделать лотерею благотворительной, ну типа социальная ответственность бизнеса и люди будут бабки проще отстегивать. Ну и объявили, что половина денег пойдет на специальные дома престарелых, где одинокие пенсионеры могут жить в комфортных условиях. Это дело, конечно же, широко разрекламировали, но человек, который занимался благотворительным проектом, решил себе откусить, не зная ничего про большой распил. Короче, он просто указал фейковые адреса, где никаких приютов отродясь не было, а фото этих коттеджей для пенсионеров просто тупо упер с сайтов объявлений по продаже недвижимости. Кто-то в интернете все эти вещи сопоставил, нашел первоисточник фотографий, и пошла вода по трубам...

– А теперь, если компания и акционеры начнут копать, то всплывет большая история?

– Бинго!

– Ну что я могу сказать, как говорил один мой знакомый, никогда не работайте с мудаками...

– Да там у них мудака на мудаке сидит и мудаком погоняет, с кем им еще работать-то? Вова, прекрати есть мой мозг алюминиевой ложкой, тут все такие умные, если ты хочешь, чтобы я вписался в проект с нефтяником, реши мой вопрос.

- Сука ты, Вадим!
- Да и ты тоже, Вова. Сегодня, десять часов вечера, ресторан «Марио», девушку зовут Сара.
- Почему Сара?
- Потому что у нее такое имя, не задавай тупых вопросов!
- Иди ты в жопу!
- Мы тепло обнялись.

Уинстону Черчиллю приписывают фразу «Гольф – это лучший способ испортить хорошую прогулку». Вечерние переговоры в ресторане – лучший способ испортить ужин. Сара опоздала на сорок минут, объяснив, что потеряла в офисе пропуск на парковку. Я хорошо знаю такой тип женщин – очень красивые, одевающиеся нарочито небрежно и постоянно пытающиеся строить из себя инфантильных дурочек. На самом деле они квинтэссенция концентрированной страсти, способной сжечь все вокруг. В большинстве случаев объектом этой страсти являются власть и деньги, как инструмент ее достижения. Я заказал бокал виски, отказавшись смотреть меню с едой.

– Я сама ненавижу есть и при этом разговаривать, но у меня заболела ассистентка, и я с утра ничего не ела, – уточнила Сара, – Вадим передал мне, что он коротко рассказал о сути нашей проблемы...

– Проблема в общем знакомая, – дипломатично заявил я, – недавно у ваших конкурентов вскрылась ситуация с топ-менеджером, который использовал купленный компанией банк для обналичивания средств, обычки в салонах связи, все дела, нам предлагали этот проект, но мы не взялись...

– Да я видела по телевизору...

– Ну я и говорю, мы не взялись, поэтому это было в телевизоре...

– А вы довольны самонадеянный молодой человек!

– Я предлагаю на «ты», а то я чувствую себя пенсионером, когда ко мне так обращаются...

– Не вопрос, – ответила Сара, углубившись в дебри меню.

– Если честно, я пока не до конца понимаю, что можно сделать с вашим кейсом, но совершенно однозначно нам нужно около трех дней тайм-аута до того, как мы сможем запустить какие-то процессы, которые в конечном счете приведут к решению вашего кейса.

– Об этом мы уже и без тебя догадались. Нужен отвлекающий маневр, есть на выбор хакерская атака и масштабный сбой связи в Москве.

– Пофигу. Хотя, наверное лучше хакерская атака...

– Почему?

– Не знаю, более трендово, сейчас вообще всем интересно про хакеров...

– Ну так себе конечно, Вадим мне расписывал тебя как мегапрофи, типа такого мистера Вульфа, как у Тарантино: «Окей, я решу вашу проблему!»

– Окей, я решу вашу проблему!

– Хотелось бы лучше понимать, как ты собираешься это сделать.

– Ну для начала надо как следует выпить, тебе заказать еще один виски?

Сара раздраженно изучала ленту Facebook в телефоне.

– Окей, слушай, я тебе не дрессированная собачка в цирке и не будущий подчиненный на собеседовании, так что завязывай со всякими приколами из серии «продай мне ручку». Сейчас мы выпьем виски, ты доешь свою лазанью, и мы поедем в соседний бар, где нас ждет мой приятель Стивен. Он лучший в городе специалист по ловле корпоративных жуликов, устраивает такой вариант?

– Не совсем поняла, нам надо не ловить корпоративных жуликов, а наоборот, зачем нам твой специалист?

– Ну кому как не специалисту по ловле корпоративных жуликов лучше знать, как спрятать этих жуликов от других специалистов по их ловле?

– Резонно, – произнесла Сара, – и да, закажи мне еще один виски.

Не то, чтобы я ожидал от Стивена каких-то свежих идей по решению проблемы, мне нужен был тайм-аут, чтобы не пришлось держать идиотский корпоративный экзамен, которому собиралась подвергнуть меня Сара, к тому же я на самом деле понятия не имел, что делать с создавшейся ситуацией.

Лет шесть назад Стивен работал корреспондентом агентства Dow Jones в Москве, получал три тысячи долларов и снимал обшарпанную однушку в спальном районе. На какой-то пьянке он познакомился со своим земляком из Глазго, собиравшемся открыть в России компанию, занимающуюся оценкой юридических рисков игроков рынка.

Когда западные компании собираются вступить в какие-либо деловые отношения с российскими бизнесменами, они стремятся хотя бы приблизительно выяснить, насколько чисты на руку их будущие партнеры. В теории они бы должны при малейшем признаке нечистоплотности отказаться от всяких отношений, но на практике такие расследования обычно ограничиваются выяснением фактом, насколько много ворует партнер, у кого он ворует, насколько легко его могут поймать и какие будут последствия. Так что я слегка упростил ситуацию, когда сказал, что Стивен ловит жуликов.

Бар, в котором мы назначили встречу, был крайне популярен среди членов шотландского землячества в Москве. Парадоксально, но существует и такое. Стивен был маленького роста, с внешностью европейского студента-второгодника. Завершал эту картину намотанный на шею шарф ядовито-зеленого цвета и пиджак на два размера больше.

– Привет, Вадим, – произнес он почти без акцента. – Леди?

– Леди у нас зовут Сара, и она будет виски, – сообщил я.

– Салют, – произнесла моя спутница.

Мы поболтали об общих вещах, я вкратце описал суть проблемы. Количество пустых бокалов на столике увеличивалось.

– Сбой сети или хакерская атака? – поинтересовался Стивен.

– Хакерская атака! – ответили мы хором.

– Отличный выбор, – улыбнулся Стивен, салютуя бокалом, – но, видимо, вам нужна какая-то долгосрочная стратегия, чтобы ваш корпоративный друг мог чувствовать себя комфортно и чтобы против него не было начато расследование... Что бы это могло быть.

– В настоящий момент наиболее рабочим кажется вариант перевести его на повышение в Восточную Европу, с понижением оклада, конечно же, – уточнила Сара.

– Но этот вариант не гарантирует, что не будет расследования со стороны службы compliance, более того, перевод даже повысит вероятность проведения расследования со стороны иностранных акционеров.

Сара мрачно кивнула.

– Я бы предложил харассмент, – произнес сияющий Стивен.

– Харассмент кого к кому? – уточнил я.

– Да не особо важно, сейчас к американском корпоративном секторе новый тренд, они как огня боятся хотя бы минимальных вопросов, связанных с харассментом...

– Как будто у них по-другому когда-то было... – пробурчала Сара.

– Сейчас это мегагорячий тренд, пусть вашего человека кто-то из сотрудников обвинит в харассменте, а потом, например, вы докажете, что это ложное обвинение и тот сотрудник его ложно оклеветал. У меня был такой случай в одной французской компании?

– Тебя ложно оклеветали, Стив?

– Иди к черту!

– Так вот, иностранные акционеры, как только услышат о кейсе с харассментом, бросят все силы на его расследование, а потом вы его оправляете, и он скажет, как это у вас: «Вы все пидорасы, а я...»

– А я Петросян, – закончил я, – ладно, возможно, думаю, даже после такой истории они даже постесняются копать дальше его финансовые фактапы, но как-то это все надуманно выглядит. Чтобы русская сотрудница вдруг ни с того ни с сего начала рассказывать такие вещи про своего босса, а потом заявила, что это все неправда. Как то это выглядит надуманно. Если бы эта история как-то случайно всплыла...

– Не коллега, – внятно произнесла Сара, делая глоток из своего бокала.

– Кто не коллега? – машинально уточнил я.

– Есть такой флешмоб в Facebook. Девушки рассказывают истории, как к ним домогались на работе, есть специальный хэштег #неколлега. Я думала, твое агентство SMM занимается...

– Я не вникаю во всякую девчачью хрень, у меня для этого специально обученные люди есть. Ну и отлично, #неколлега это хорошо. Нужно найти какую-то надежную девушку, чтобы можно было ее без проблем уволить потом с приличной компенсацией после того, как ее поймут на клевете и чтобы она потом не болтала всякой хрени по форумам. Лучше кого-то из малообеспеченной семьи из регионов...

– Это я и без тебя понимаю, не маленькая, – отрезала Сара.

– Ну и отлично, предлагаю тост – за харассмент, – провозгласил Стивен.

– Сами пейте за свой харассмент!

Я дипломатично пнул Стивена ногой под столом. Англичане никогда не умели нормально шутить в женской компании. Хотя он в сущности и не был англичанином.

Утро субботы в Москве было традиционно отвратительным. Я мрачно открыл холодильник, пару минут изучал открытую еще в четверг бутылку шампанского, выругался про себя и нажал на кнопку кофемашины. Завибрировал телефон. Звонил Филипп, я выругался еще раз и нажал на кнопку приема вызова.

– Брателло, как твои дела? – заорал он, что явно не предвещало ничего хорошего.

– В 11 утра в субботу? Да просто отлично! Какого хрена тебе надо?

– Мудила этот в больнице, весь интернет обсуждает этого банкира-пидораса, шеф уже звонил, обещал мне премию выписать!

– Он не банкир вообще-то. Ну отлично, а мне-то ты зачем звонишь, хочешь премией поделиться?

– Нет, я это... – не похоже на Филиппа, но похоже, что он решил отметить разрешение кризиса с самого утра. – А, я вспомнил. Там я тебе еще вчера ролик отправил, ну, социальный, который наше агентство сделало, погляди, а то ты сам же просил, чтобы я у тебя все материалы утверждал...

– Перезвоню, отбой, – буркнул я в трубку.

Кофеварка издала утробный звук и выплюнула в чашку первую порцию кофе. Я переместился на диван. Из окна открывался угнетающий вид на индустриальный московский пейзаж: безликие серые коробки до горизонта, где виднелась свинцовая плоская далекой реки (в проспекте это описывалось как потрясающий панорамный вид на реку).

Я открыл ноутбук и загрузил присланный Филиппом ролик. Это был потрясающий по своей чудовищности микс из мультфильма «Смешарики» и креатива детских площадок позднесоветского периода, помноженный на видения параноидального шизофреника под ударной дозой LSD. Я допил кофе и набрал Филиппа.

– Брателло, вы там совсем уже охренели? – поинтересовался я.

– Что такое? – обиженно ответила трубка.

– Вы когда бабло пилите со своими липовыми агентствами, вы хотя бы зачатки совести-то тоже имейте! Покемон Нефтегазик! Вы там совсем уже обдолбались нахрен?

– Да слушай, я не смотрел еще, креативы смотрела мой зам, дочка коммерческого директора, ей понравилось, она говорит, мило.

– Короче, креатив в топку, агентство это к тендерам больше не подпускать. Если такое в интернет попадет, вас будут еще полгода на «ЯПлакаль» полоскать.

– Понял тебя.

– Пока. Нефтегазик, твою мать...

Стивен позвонил ближе к вечеру, мы встретились в небольшом семейном ресторане недалеко от моего дома, даже почти без пива.

– Ты чего так рано уехал вчера? – поинтересовался Стивен.

– Да замотался за неделю, да и вообще бухать не охота было, тем более вопросы вроде порешали. А вы долго еще сидели?

– Ну еще где-то часа три, а потом поехали... в смысле к ней...

– Боже мой, Стив, ты чертов маньяк, сколько можно-то? – Стивен улыбался как кот, укравший хозяйскую колбасу.

– Ну и как тебе, с топ-менеджерами этой компании ты вроде еще не спал?

– Хорошая девушка, – неопределенно ответил Стивен, – вроде бы такая, как это называется, sensual, но при этом очень toff. Вообще я не понимаю, как можно так спокойно обсуждать такие вещи, ее шеф крадет деньги у ваших пенсионеров...

– Знаешь, Стив, что лично меня бесит больше всего в экспатах?

– Причем тут экспаты?

– Дело в том, что вы – те самые люди, которые придумали все эти мерзости, которые при этом сейчас так демонстративно осуждаете. А осуждаете потому, что вам самим теперь нельзя. Вы же все это придумали, еще когда у нас тут все научный коммунизм штудировали и мечтали поехать в Польшу за колбасой.

– Ты все сильно упрощаешь, – попытался обидеться он.

– Я ничего не упрощаю. Знаешь, у меня был знакомый немец, топ-менеджер крупной международной компании, его за какие-то прегрешения сослали в Россию, он плакал, когда об этом узнал. А когда его через три года решили простить и вернуть обратно в Мюнхен, он плакал, потому что хотел остаться в России. Потому что тут можно крысить бюджеты и пилить откаты, а у него на родине – нет.

– What is «крысить бюджеты и пилить откаты»?

– To get involved in corporate bribery.

– Это частный случай!

– Частный случай – это когда топ-менеджеры японских корпораций в Москве заказывают себе десять проституток за корпоративный счет и заставляют их всю ночь петь в караоке по-японски.

– Go fuck yourself!

- Я тебя тоже люблю, Стиви, закажем еще по пиву?
- Да, давай, надо! Мне кажется, нам чаще встречаться.

С тех пор мы не виделись примерно полгода.

В понедельник ко мне приехал Карен, он начинал в конце девяностых, продавая средней руки олигархам блок на негативную информацию в газетах. Если газеты не писали ничего плохого про его клиентов, Карен получал деньги, газеты, к их счастью, ровным счетом ничего об этом не знали. Если негативная информация все же выходила, Карен говорил, что издание перекупили конкуренты. Потом он взял у одного челябинского металлурга миллион долларов на черную пиар-компанию против его конкурента и, к несчастью, проиграл значительную часть этой суммы в казино. После этого он несколько лет скрывался на непопулярном тогда Гоа, в России его серьезно искали. Потом он несколько лет ошивался вокруг правительства, по слухам – познакомившись с секретаршей одного из федеральных чиновников. Любовница позволяла Карену иногда звонить куда-нибудь по закрытой правительственной линии и решать некоторые малозначительные вопросы. Карен обладал выигрышной внешностью и был похож на Антонио Бандераса в молодости, что открывало ему доступ к сердцам и прочим ресурсам мелких государственных клерков женского пола. В последнее время дела у Карена шли неплохо, судя по тому, что он успел обзавестись пиджаком от Vivoni и запонками за десять тысяч евро. Мы горячо обнялись. Я поинтересовался, как у него дела, Карен назвал хорошо известного мне персонажа.

– Ты, значит, за ум решил взяться, надоело пиратствовать? – поинтересовался я. – Честно сказать, ожидал, что ты закончишь свою карьеру в ближнем Подмосковье в обнимку с какой-нибудь елью... Ранние сумерки, легкий запах высокооктанового бензина...

– Это все ошибки молодости, – помрачнел Карен, – у нас теперь все серьезно, на высшем международном уровне. Собственно, я к тебе как раз по этому вопросу...

– Прости, дорогой, не мой уровень, я сейчас все больше по интернету...

– Я в курсе, блогеры, прикольчики, Фишки.ру...

– Ага, обхохочешься...

– Но старые навыки же не пропьешь! Дело в том, что мой шеф недавно дал интервью Bloomberg...

– Поздравляю...

– Да особо не с чем, они прислали текст на согласование, а он мне заявил, цитирую, «если это говно где-нибудь выйдет, я тебя живьем в асфальт закатаю». Я звоню этим уродам в Нью-Йорк, а они мне такие «Все было под запись» и все такое...

– Ну понятно. А я тут при чем?

– Ну у тебя же остались старые связи, все такое?

– Не братан, сорри, только Фишки.ру, как ты правильно заметил.

– Ну ладно! Я серьезно, мне край вообще. Я по гроб жизни...

– Ладно, ради старой дружбы, наберу, наверное, старика Руперта, – произнес я, картинно стряхивая пепел в хрустальную пепельницу венецианского стекла, – думаю, он мне не откажет.

– Офигеть, ну ты крут! – выдохнул Карен.

– Расслабься, чувак, нет у меня телефона Мердока, ты совсем, что ли, дурак?

– Козлина!

– Сам такой. Ради старой дружбы, сделаю один звонок. Помнишь Ваню? Студент такой у нас работал, сейчас у вас руководит службой референтов.

– И что?

– Да ничего, Ваня и есть единственный источник информации, из которого ваш старпер черпает свои знания о мире. Только помни, когда-нибудь я попрошу тебя об услуге и ты...

– Не смогу тебе отказать, я в курсе! А если какая-нибудь сволочь распечатает статью и на стол ему подложит?

– Тогда братан, ты знаешь ответ: ранние сумерки, легкий запах высокооктанового бензина...

Я отвернулся к монитору, давая понять, что аудиенция окончена.

Сару я встретил случайно несколько месяцев спустя в Бельгии во время саммита Россия-ЕС. Вся местная пресса обсуждала тот факт, что жена влиятельного российского чиновника выкупила на неделю самый дорогой отель в Брюгге, полностью закрыв его для других гостей. Большинство экспертов, дававших комментарии местным СМИ, считали, что такую практику необходимо запретить, но не очень понятно, как это сделать.

Рождественский Брюгге был похож на святочную открытку, нарисованную на упаковке дешевого чая. Как раз таким торговали на многочисленных лотках напротив городской ратуши. В воздухе висел пряный запах нагретого красного вина. Русские олигархи, встречаясь в лобби маленьких отелей, делали вид, что не замечают друг-друга. Я увидел Сару в лобби-баре своего отеля, она сосредоточенно поглощала оленину с брусничным вареньем.

– Привет, – произнес я, присаживаясь за столик, – уже продегустировала местное пиво?

– Я вообще тут работаю, – не очень уверенно пробурчала она.

– Я вижу, – констатировал я.

– А пиво тут огонь, нас вчера угощали знаменитой местной маркой какого-то лохматого года, по вкусу – один в один «Балтика» номер девять.

– Тяжелое у тебя было детство, я посмотрю.

– Непростое, – согласилась она.

– Как вообще дела?

– Да как сказать, помнишь наш кейс с #неколлега и всем остальным?

– Ну да конечно, хорошо же все прошло.

– Даже слишком, через месяц всплыло, что этот перец на самом деле потрахивал сотрудниц, кого-то угрожал уволить, если они ему не дадут, в общем, наши западные партнеры не на шутку разбушевались и чувак этот уехал в Италию с понижением, а тему кое-как замяли.

– В Италии он бы за такое в другое место уехал, – поморщился я.

– Ну, с ним хотели по-другому поступить, но он намекнул кое-кому, что если с ним пойдут по жесткому сценарию, то он расскажет партнерам все в подробностях, где брал и с кем делился из русского менеджмента, так что поехал он к морю и солнцу, а меня на его место...

– Ну поздравляю, слушай, у меня сейчас пленарка, потом какие-то панели еще, а после шести можно сбежать, может, пересечемся, ты мне город покажешь?

– Я тут сама два часа только...

– Ну я тебе покажу, я вчера вечером прилетел.

Не могу сказать, что мне было особенно стыдно перед Стивеном за то, что случилось вечером, к тому же, как выяснилось позже, на тот момент они уже перестали встречаться, однако наша прогулка по вечернему Брюгге запустила цепочку событий, которая в итоге привела меня на борт яхты «Сесилия», принадлежащей неизвестному мне гражданину Швеции.

Примерно через месяц ночной звонок от Сары вызвал меня в тот самый шотландский паб, где мы сидели со Стивеном в нашу первую встречу, Стивен тоже был там и успел уже изрядно выпить. Сара была бледна и не покрашена, но мне казалось, что она была трезвой, хотя точно определить это было невозможно.

Примерно за год до описываемых событий компания, где работала сестра Сары Лена, купила небольшую золотодобывающую компанию в одной из стран СНГ. Из-за ошибки, которая была допущена при подготовке сделки, актив оказался легко уязвим перед рейдерской атакой. Как выяснилось потом, ошибку допустил сын российского предпринимателя Бориса Чернова, одного из крупнейших владельцев промышленных активов в Восточной Европе. Пять человек менеджмента компании-покупателя, в том числе Лену, арестовали местные власти. Волков заключил сделку с кланом, находившимся у власти в стране, но, как оказалось, свобода для арестованных менеджеров не была частью этой сделки. Сотрудники объявили голодовку, администрация тюрьмы применила к ним меры физического воздействия, в результате двое человек, включая Лену, умерли. Сара изложила суть событий беспристрастным тоном, которым зачитывают приговор в российских судах. Мы со Стивеном молчали.

– Суки, – произнес Стивен почти без акцента, – *fucking bastards!*

– Заказать тебе выпить? – спросил я.

– Вова, ты решил, что я вас тут собрала, чтобы нализаться вместе и порассуждать про то, что жизнь говно?

– Ну люди делают такие вещи, когда попадают в сложную...

– Твою мать, лучше заткнись, Вова! Короче, месяц назад, в мае, Стив рассказал мне, что его контора копала данные по Чернову. Стив, расскажи, что вы узнали?

– Помимо финансовых махинаций, уклонения от налогов и вывода средств через офшорные компании, мы выявили масштабные хищения при эксплуатации добывающих мощностей, в частности износ оборудования...

– Ты можешь нормально объяснить?

– Они делали bribery в таком масштабе, что на одной из шахт случилась авария, в которой погибло больше сорока человек. Общественности все это объяснили природным, как это называется, катаклизмом...

– Сара, – насторожился я, – это же не то, о чем я сейчас подумал, ты же не хочешь взять этот компромат и что-то с ним сделать для того, чтобы как-то, я не знаю, отомстить Чернову...

– Отомстить – это звучит слишком литературно, я хочу закопать эту суку, переехать его бульдозером, как это еще называется?

– Не суть, терминология тут не так важна, но, Сара, это детский сад, ты меня прости, ты, конечно, в состоянии аффекта...

– Если бы я была в состоянии аффекта, я бы тебе, например, пиво твое вылила на голову или пошла бы постучалась горловой об унитаз в туалете, у меня есть очевидно значимая информация и четкое понимание, что и зачем я собираюсь с этой информацией сделать.

– Господи боже! Стив, ты слил ей эти документы, ты вообще нормальный?

Стивен развел руками, давая понять что-то вроде «ну да, вот так, и что теперь».

– Ну хорошо, – продолжил я, – компромат – это, конечно, хорошо, но компромат – это пуля, а медиаканалы – это оружие. У тебя есть только пуля, и единственное, что ты можешь сделать, – это попытаться затыкать его этой пулей до смерти, что на самом деле маловероятно.

– Логично, и для этого нам нужен ты. Ты и есть медиаканал.

– Дорогая, ты путаешь, я отвечаю за digital, а не за федеральные СМИ, я – это про всякие мемасики в интернете, каналы в Telegram и тому подобные глупости. Ни один серьезный канал коммуникаций типа федерального ТВ такую информацию не возьмет, а в интернете мы можем

годами поливать Чернова говном, я не сомневаюсь, что это кто-нибудь там уже и без нас делает, но ему то на это плевать...

– Можно достать его через западные СМИ, – вставил Стивен.

– Да срать твои западные СМИ хотели на то, что у нас тут творится, мы для них типа Замбии или Бурундии, я уж не знаю, только чуть покрупнее, у них тоже свои темники есть, Путин там, русские хакеры, ты сам что ли не знаешь?

– Вова, у тебя есть доступ к каналу, через который Филипп льет информацию в федеральные СМИ, – жестко сказала Сара.

Я одним глотком осушил бокал.

– Ну охренеть, то есть ты все уже продумала, – произнес я, – типа я должен без чьей-либо санкции использовать канал, принадлежащий одному из самых влиятельных людей в нашей стране для того, чтобы вбросить в прессу компромат на другого почти настолько же влиятельного человека, пожертвовать своей карьерой, а возможно и жизнью, чтобы дать девушке, с которой я... которая мне симпатична, возможность отомстить?

– Вова, ты любишь излишне драматизировать. Канал, через который вы отправляете эту вашу пропаганду, он же не защищен никак?

– Ну да, это анонимный ящик в «Яндексе», с которого уходят письма на другой ящик в «Яндексе», и оттуда уже все забирают редактора, кстати, а ты откуда знаешь?

– Ну а мы, как ты думаешь, как работаем?

– Ну вот ты со своего аккаунта и кидай компромат тогда!

– Нет, Вова, во-первых, у меня нет пароля от нашего ящика, а потом, если от нас придет компромат на Чернова, это будет очень странно и подозрительно, а если от шефа Филиппа, то все решат, что между ними опять война, и никто ничего не спросит. Если что, пострадает Филипп, а ты мне сам говорил, что он подонок.

– Ну понятно, вы тут без меня все успели решить я смотрю. Окей, только, Сара, ты пойми, это не мой крестовый поход, мне жалко тебя и тем более твою сестру, но я не уверен, что мое понимание долга морали требует от меня, чтобы я участвовал.

Сара внимательно посмотрела на меня, ее лицо стало еще бледнее, глаза оставались холодными. Года два назад я был на Белом море, у волн там был такой же цвет, свинцово-холодный. Достаточно было упасть в эту воду, чтобы она стала твоей могилой.

– Вова, – произнесла она ровным голосом, – я всегда в своей жизни мирилась со злом и несправедливостью. Это цена, которую ты должен заплатить за то, чтобы быть основным действующим лицом, а не статистом, чтобы у тебя была власть, которую ты можешь использовать, чтобы изменить вещи и сделать их немного лучше. Мы годами помогали людям общаться с близкими, как это несмешно не звучит, старались помочь тем, кто слабее нас, например тем же старикам, в целом итогом моей работы было то, что мир становился лучше...

– Да, как вы пенсионерам помогли, мы все помним...

Сара дернулась, как будто я ее ударил.

– Прости, – поправился я, – я сказал глупость, я понимаю твою точку зрения и вижу, что ты сделала выбор и готова принять его последствия, я также вижу, что ты, Стив, тоже сделал свой, хотя тебя я не очень понимаю. Мне нужно подумать и сделать свой.

Мы страшно напились в тот вечер. Похмелье накрыло меня уже на борту рейса, летящего в Гонконг. Пропустив почти все секции конференции, включая одну где должен был выступать я сам, я заперся в номере на верхнем этаже отеля Peninsula.

Над гаванью Гонконга догорало золотое зарево заката, а на противоположном берегу уже сгущались фиолетовые сумерки. В небоскребах горели тысячи окон – тысячи маленьких костров амбиций, в каждом из них каждую секунду сгорали человеческие надежды и зажигались

новые. Гигантский памятник алчности англосаксов, воздвигнутый на перекрестье торговых путей, где вращается как минимум треть мировых капиталов. Возможно, пять долларов, только что потраченные российским пенсионером в супермаркете «Пятерочка», с огромной скоростью устремляются сюда, чтобы сервер, расположенный в одной из этих стеклянных башен направил их на покупку оружия, которое через три недели будет доставлено к берегам какой-нибудь африканской страны. Я нажал кнопку «отправить» на своем ноутбуке. Несколько байт информации исчезли в потоке трафика, устремившегося в подводный кабель, лежащий на дне Южно-Китайского моря.

Звонок Вадима застал меня на ресепшене.

– Привет, ты не спишь? – поинтересовался он.

– У нас десять утра, – произнес я, пытаясь одновременно распечатать в чеке отеля.

– Извини, затупил... Я вот что звоню, старичок, у меня есть один знакомый в конторе...

– В Конторе? – переспросил я.

– Да, именно, в Конторе. Так вот, он рассказал мне одну интересную историю, как три отморозка решили кинуть одного серьезного человека для того, чтобы свалить некоего Чернова. Тебе это о чем то говорит?

– Предположим.

– Так вот, эти три отморозка обсуждали свои планы в одном пабе и не знали, что Контора давно слушает такие заведения.

– То есть у этих отморозков ничего не получилось?

– Нет, старичок, все намного хуже... У конторских было что-то типа корпоратива, День чекиста, или что-то там в этом роде, в общем, они эту информацию как-то пропустили мимо ушей, и наутро...

– Твою же мать!

– На утро некий менеджер Филипп не приехал в свой красивый офис, потому что, проснувшись, он почему-то решил пойти в гараж, выпить бутылку виски, сесть в машину и завести двигатель, наверное, у него была депрессия. Ближе к обеду пьяный водитель на Кутузовском проспекте сбил партнера уважаемой юридической фирмы, некоего Стивена, как же его...

– Дженингс...

– Вот именно. Так что я бы на твоём месте серьезно подумал, нужен ли тебе обратный билет в Москву.

– А Сара?

– Я не знаю никакой Сары, и это открытая линия, если что. Но если ты откроешь свой почтовый ящик, ты найдешь там письмо с адресом одного моего приятеля из одной европейской страны. По странному стечению обстоятельств, он находится в длительном отпуске на Бали. Ключ от его яхты, ну как яхты... скорее, древнего корыта спрятан, есть у бармена в кабаке... в общем, там все указано. Возможно, какая-то неизвестная мне женщина тоже получила похожее письмо, и если у кого-то в конторе по случаю тоже был корпоратив, возможно, она уже летит в эту страну. Но это не точно.

– Я тебя понял, брат, спасибо тебе!

– Не за что, парень ты в принципе неплохой, хотя и идиот.

Силуэт Стокгольмской ратуши почти скрылся за пеленой дождя. Я отхлебнул виски. Это похоже на плохой анекдот, но скоростное шоссе, ведущее в Шереметьево-2, лежит мимо березовой рощи, там растут такие пошлые стереотипные ностальгические деревья. Мне всегда было

интересно, думали ли об этом те люди, которые ехали по этому шоссе, собираясь покинуть свою страну навсегда. Думала ли об этом Сара? Ей бы эта мысль понравилась.

Вавилон 2.0

Если мир перевернуть с ног на голову, истина в нем станет ложью.

Ги Дебор. Общество спектакля

В 2000-х годах информация стала наиболее массовым товаром за всю историю человечества. К началу нынешнего десятилетия человек в среднем потреблял более 30 гигабайт информации в день, и эта цифра удваивается каждые два года. В 2015 году капитализация социальной сети Facebook превысила 250 миллиардов долларов, компания входит в десятку крупнейших корпораций мира по версии журнала Fortune. Более половины потребляемой человечеством информации происходит из неизвестного пользователю источника и никогда не подвергалась какой-либо проверке.

Пустыня тянулась на десятки километров во все стороны, пронизывающий ветер нес низкие рваные тучи над безжизненной землей, некогда ставшей приютом для отважных людей, замысливших одно из самых отчаянных начинаний в истории человечества. Кorteж из около тридцати машин растянулся больше чем на километр, среди автомобилей преобладали черные приземистые Audi со спецномерами. Уже начинало темнеть, когда первые машины остановились у небольшого деревянного здания, известного как смотровая площадка номер два космодрома Байконур. Редкие деревянные постройки, торчавшие кое-где посреди бескрайней равнины, не нарушали враждебного однообразия окружающего пейзажа. Одноколейная ветка железной дороги терялась где-то за горизонтом, кучка высыпающих из автомобилей людей чувствовали себя чужими посреди бескрайней равнины.

Посетители потянулись к входу, внутри здания были накрыты импровизированные фуршетные столики, на которых имелся минимум еды, предсказуемо преобладал алкоголь. Среди собравшихся примерно половину составляли военные, присутствовала группа чиновников из министерства, в углу помещения разместилась группа легкомысленно одетых журналистов. На улице трое корреспондентов американского телеканала устанавливали штативы для телекамер. Я налил в пластиковый стаканчик горячего растворимого кофе из термоса. Кофе отдавал чем-то кислым, я поморщился и влил в стакан немного виски из стоящей поблизости литровой бутылки.

Подошел знакомый корреспондент Андрей – несурзанный полноватый юноша в модных очках в пол-лица, которые выглядели чужеродными на его простоватой физиономии. Год назад Андрею дали задание сделать репортаж с конференции, проходившей в мемориальном комплексе, созданном на месте концентрационного лагеря Освенцим. Шла пресс-конференция руководителя музея. Одним из первых слова попросил Андрей, он поднялся со стула и добродушно произнес: «У меня вопрос к начальнику концлагеря – как ваша организация выживает в условиях нарастающего финансового кризиса?»

– Прикинь, мне вчера рассказали историю, – поспешил поделиться Андрей, – у космонавтов, оказывается, традиция есть – когда автобус привозит их на стартовую площадку, надо, чтобы каждый на колесо это самое...

– Что «это самое»? – уточнил я.

– Ну, насрал. А потом в какой-то момент решили женщину в космос запустить. Ну и стоят думают, что делать с этим обычаем... В общем, взяли баночку из-под консервов...

– Да, я понял, можешь не продолжать, – произнес я, доливая виски в свой кофе.

Формально здесь, в казахской степи, я сопровождал группу российских журналистов. Неофициально я должен был установить контакт с одним из недавно назначенных чиновни-

ков министерства связи. Получив новую должность, он первым делом оказался вовлеченным в затяжной конфликт с одним из крупнейших клиентов моей компании.

Хрипящее радио начало предстартовый отсчет – один из многочисленных местных ритуалов.

Голос закончил свой отсчет, в один момент горизонт вспыхнул яростным оранжевым пламенем. Я почувствовал мощную вибрацию – казалось, что земля уходила из-под ног, хотя мы находились за несколько километров от стартовой площадки. В лицо пахло чем-то горячим и сухим, казалось, что в пустыне перед нами ворочалось огромное чудовище, неосторожно разбуженное суетливыми людьми. Через несколько мгновений столб ослепительного пламени на горизонте превратился в еле заметную точку в ночном небе. «Одна минута двадцать секунд – полет нормальный», – проинформировал голос из динамиков. Собравшиеся дружно выпили.

Посетители смотровой площадки начали разбирать пакеты с памятливыми табличками участника успешного запуска. Это было нарушением традиции: пуск считался успешным с момента выхода спутника на орбиту. Собравшимся было всё равно, они подливали себе спиртного, чокались стаканчиками и шумно поздравляли друг друга. Я достал сигарету и направился к выходу. Ледяной ветер мгновенно добрался до тела через все возможные щели в одежде, зажечь сигарету удалось только через минуту. Я несколько раз втянул в себя теплый ароматный дым и отбросил моментально догоревший окурочок. В царившем внутри здания гуле голосов сложно было распознать отдельные слова. Я налил себе порцию виски. Неожиданно все голоса перекрыл металлический скрежет из динамика: «Внимание! На двадцатой минуте полета потеряна связь со спутником! Повторяю, потеряна связь со спутником, в настоящий момент специалисты центра управления полетами ведут работы по восстановлению связи». Гул голосов усилился, собравшиеся ошеломленно оглядывались по сторонам. Я сделал глоток виски. Так я стал одним из нескольких десятков людей в России, получивших памятную доску в честь запуска, который закончился аварией. Что характерно, порученные мне переговоры также оказались не слишком успешными.

ЕЩЕ ОДНО НЕВАЖНОЕ УТРО

Круглые часы, висящие на перроне Ленинградского вокзала, показывали восемь часов. «...электропоезд проследует со всеми остановками, кроме Марьино, Подрезково, Алабаушево», – надрывался металлический голос неопределенного пола в репродукторе. Небо грязными клочьями нависало над асфальтом, покрытым следами раздавленных жвачек. Толпа людей с серыми лицами извергалась из турникетов.

Из подземного перехода вышел небритый человек лет тридцати, одетый в ядовито-синюю засаленную джинсовую куртку, с пакетом в руке. Он склонился над окошком ближайшего ларька и попросил бутылку третьей «Балтики». Усталый пожилой продавец с лицом мудреца из восточной сказки молча протянул ему бутылку. Мужчина выпил ее за три глотка, не отходя от ларька. Он удовлетворенно выдохнул и потянулся за сигаретой. В это время в кармане у него завибрировал телефон. Человек достал его – на экране неожиданно дорогого смартфона возник текст SMS-сообщения: «Мужчина всё. Через час где обычно». Незнакомец аккуратно опустил пустую бутылку в урну и зашагал в сторону входа в метро.

Мы встретились в кафе «Каркуша» – одном из самых странных заведений в Москве. Вход в него находился в подземном переходе, за одной из железных дверей «только для персонала», которые обычно ведут в подсобные помещения метрополитена. Собственно, когда-то это и было подсобное помещение, превращенное одним из местных коммерсантов в маленькую рюмочную в стиле 90-х. К деревянной барной стойке была приклеена скотчем сиреневая гирлянда, красовавшаяся здесь с Нового года, возможно, даже и не с прошлого. Выбор напитков в баре не отличался оригинальностью: три вида водки, сомнительный коньяк и разливное пиво неизвестного происхождения. Клиентами были в основном местные торговцы, драгдилеры и проститутки. Мой знакомый Вадим взял пластиковый стакан пива и, не отходя от стойки, сделал пару больших глотков. Я хотел заказать кофе, но после некоторого размышления решил также взять пива: внешность парочки здешних завсегдатаев, расположившихся неподалеку от нашего столика, навела на мысли о тщете всего сущего. Один из посетителей, мужчина с красноватым плохо выбритым лицом неврастеника, набирал сообщение на старом кнопочном телефоне. Аппарат негодуяще пищал.

– Что, Вадик, всё бухаешь, – поинтересовался я, с подозрением делая маленький глоток из поданного мне стакана. Вадим сделал рукой неопределенный жест, указывающий на то, что он не хочет продолжать эту тему.

Я использовал «Каркушу» для самых секретных встреч: обычные для деловых переговоров места всегда были буквально напичканы прослушивающей аппаратурой, кроме того, всегда есть риск наткнуться на одного из бывших или текущих партнеров, которым совсем необязательно было обладать слишком полной информацией о круге моих контактов.

Мы познакомились с Вадимом несколько лет назад во время организованного мною пресс-тура в Исландии. Тогда я работал на одно крупное агентство, организовывавшее встречу российской прессы с крупным менеджером из американской штаб-квартиры Microsoft. Как это часто бывает, тур не задался с самого начала. Одна из журналисток боялась летать, это стало удачным предложением начать отмечать поездку еще в аэропорту. Три бутылки Hennessy из Duty Free сделали атмосферу общения совсем уж непринужденной – банкет плавно перетек в такси, а потом и в один из снятых для журналистов гостиничных номеров. Где-то часа в три ночи мы с парой журналистов поймали такси с целью отправиться к проституткам, правда, по дороге почему-то передумали и вышли около ночного стриптиз-бара, остальные заведения уже давно закрылись. Вадим остался в гостинице, и, судя по счету из мини-бара, его веселье продолжилось до рассвета.

На следующий день я нашел его в лобби-баре с бокалом пива. Перед встречей с менеджментом американской компании была запланирована экскурсия в местную долину гейзеров. Как в любой европейской стране, администрация природного парка крайне внимательно подошла к вопросу безопасности туристов: по всей долине были проложены деревянные помосты с размещенными на каждом шагу предупреждениями об опасности малейшего отклонения от проложенного для туристов маршрута. В единственном месте, где перила на помосте отсутствовали, Вадим с задумчивым видом остановился, намереваясь достать сигарету, покачнулся и почти с головой окунулся в кислотного цвета жижу вулканического происхождения. Остаток экскурсии стал для меня увлекательным квестом на выживание – начиная с получаса, проведенного в туалете в безуспешных попытках привести Вадима в божеский вид, заканчивая отчаянным спором с водителем такси, решительно отказавшимся пускать в машину нетрезвого и крайне подозрительно выглядящего русского туриста. Вопрос, впрочем, достаточно быстро решился при помощи бумажки в сто евро. Когда такси остановилось у отеля Astoria, где должна была произойти встреча, я наклонился к Вадиму и тихо, но веско произнес: «Ты остаешься в машине, ихтиандр хренов!» Знакомство с менеджером происходило в холле отеля и напоминало встречу глав дружественных государств. Представитель компании, окруженный свитой из пяти подчиненных, торжественно следовал вдоль выстроившихся около reception журналистов, пожимая руку каждому представителю прессы. Я пропустил момент, когда из-за спин своих коллег появился неведомо как выбравшийся из такси Вадим, его одежда была расцвечена всеми цветами радуги, среди которых преобладали зеленый и коричневый, на лице блуждала отсутствующая улыбка. Он сделал неуверенный шаг вперед и протянул руку заокеанскому гостю. Американец осторожно ответил на рукопожатие. «Hello!» – поприветствовал его Вадим, зачем-то добавив короткое ругательство на русском языке.

Несмотря на то, что биография Вадима изобиловала подобными приключениями, он был на достаточно неплохом счету в одном из влиятельных российских журналов. Его карьере погубила банальная попытка получить сравнительно небольшую взятку. Достаточно редко, не имея возможности или способностей добиться выхода публикации о своей компании в нужном издании, пиарщики пытаются работать напрямую с журналистом. Делается это по обычной схеме: журналист заявляет нужную тему своему редактору и, если текст выходит, получает оговоренную сумму. Если тему заворачивают, участники сделки расстаются друзьями. Всё бы хорошо, но знакомая Вадима, после того как текст не вышел, позвонила с претензией его главному редактору. Вадим нарушил главное правило продажного журналиста – никогда не работать с идиотами.

Допив свой бокал, мой собеседник кивнул бармену, давая ему знать, что нужен еще один, и сделал мне приглашающий жест рукой.

– Ну давай, империя зла, докладывай, – произнес он, заметно повеселев.

– Как тебе сказать, Вадик, в целом ты и сам уже всё знаешь, наш «пассажир» Андреев – известная тебе личность, скажем так, международного масштаба, – я отбил звонок на сотовый и перевел телефон в тихий режим. – В последнее время он, как выразился классик, «жутко свинячил», надо сказать, что я сам был несколько удивлен масштабами его деятельности. Помимо всяких серьезных вещей, он продавал государству партии каких-то левых китайских смартфонов под видом инновационных разработок, строительную компанию учредил с уголовными делами и прочими пакостями. И учитывая, что он в последнее время поссорился с рядом достаточно влиятельных персонажей, всё это говно в ближайшее время окажется в Генпрокуратуре.

– И вы типа должны его как-то отмазать? – Вадим смотрел на меня с неприкрытым сарказмом.

– Да хрен бы с ним, кого он волнует, закрыли бы его лет на десять на Колыме снег убирать, но есть один нюанс. Он по документам проходит как основной учредитель банка Nord, – я сделал многозначительную паузу, – а ты сам должен понимать, что банк нам топить ни в коем слу-

чае нельзя. Там такие люди всплывут, если что, Уотергейт будет на этом фоне чем-то типа детского утренника... В общем, нам нужен, как обычно, отвлекающий маневр. Пусть проверяют все его левые аферы, откаты там, обманутых вкладчиков или дольщиков... Короче, неважно, пусть журналисты его рвут, но делают это под нашим присмотром и в тех областях, которые нам в принципе не важны. У тебя есть знакомые в органах?

– Да само собой, и прессу подтянем по мере надобности, – Вадим неуверенно покосился в сторону бара, я сделал приглашающий жест рукой: «ни в чем себе не отказывай», – в общем, стандартная история: распилы, откаты, шокирующие подробности. Но такое, чтоб не очень красочное, в рамках обычного местного пейзажа. А когда он всем слегка надоест, мы вбросим что-то существенно более интересное, чтобы ваш друг пару недель висел в новостных лентах и он всем так надоел, чтобы тошнило от него просто. Ты, например, как относишься к педофилам?

– Я к ним не отношусь, – заезженно сострил я, – при чем тут педофилы?

– Ты не прав, чувак! Педофилы – это сейчас тренд, можно сказать, на государственном уровне. Предположим, наш друг создал международную сеть по распространению запрещенного контента – прямой удар по духовности и информационный терроризм. Людям нравятся такие истории.

– Не знаю, надо подумать, может быть, и правда хорошо получится, тем более Андреев возглавляет какой-то там комитет по этике и международным связям при Госдуме, короче, ты проработай этот вопрос и журналистов подготовь там самых проверенных, чтобы никаких там неожиданных выступлений. И чтобы про нас тоже ничего, в общем, сам понимаешь. Давай, мне пора уже. Допивай свое пиво и приступай к подрывным мероприятиям, – я положил на замызганную скатерть купюру в тысячу рублей и направился к выходу.

Агентство Twilight Media, где я являлся управляющим партнером, занимало нижний этаж в небольшом, но опрятном особнячке в районе метро «Кропоткинская». У входа на территорию особняка стояла небольшая будка, где круглосуточно помещались два автоматчика. Я знал, кто делит с ними плату за аренду, но о таких соседях считалось солидным не упоминать. Главный аналитик Twilight Media и по совместительству мой заместитель Стас сидел развалившись перед огромным монитором Apple. С десяти утра он трудился над речью премьер-министра небольшой, но достаточно теплой страны.

– «Российское оружие не имеет аналогов в мире по соотношению цена – качество»... – разорялся Стас. – Этим копирайтерам с рождения мозг ампутируют, по всей видимости!

– Стас, – произнес я, с невозмутимым видом усаживаясь за свой компьютер, – твоя проблема в том, что ты слишком любишь делегировать полномочия, что объясняется твоей ленью и пофигизмом. Вот и сейчас ты нанял за деньги компании какого-то идиота, в то время как мог бы со всем справиться сам, сэкономив себе и мне кучу времени, не говоря уж о финансовых средствах. Завязывай со своими торговцами смертью, кого вообще волнует, что они там и кому скажут, тут одна горячая темка образовалась, сейчас Лешу позову и коротко поговорим перед общим сбором.

Алексей ворвался в мой кабинет с такой скоростью, что со стола ветром сорвало пару листков бумаги, и бросил на стол толстый файл. «Вот», – выдохнул он, явно довольный важностью своей миссии. Алексей, юноша лет двадцати трех, который мог бы подрабатывать в глянцевах журналах моделью эталонного хипстера: аккуратная бородка, очки в толстой оправе и светло-голубая рубашка Vanapa Republic, – занимал в Twilight Media пост помощника гендиректора по общим вопросам. Он обладал всеми достоинствами нового поколения менеджеров, в первую очередь тем, что я называю врожденным цинизмом. Некое свойство характера, позволяющее человеку делать любые гнусности без сожалений и душевного надрыва. Также Алексей был лишен большинства недостатков своих сверстников, в том числе не строил

свои представления об окружающем мире, руководствуясь исключительно данными из Google, Siri и «Википедии», – свойство крайне полезное в нашем бизнесе.

Я наугад вытащил из принесенного файла пару бумажек. Явно очень дорогая печать, псевдоготический шрифт. Я мельком пробежался по документам: они изобиловали замысловатыми титулами типа «Третий барон Менморанси, герцог такой-то». Я недоуменно поднял глаза на Алексея.

– Леха, это что за белиберда? – поинтересовался я.

– Это пэры, – уверенно ответил мой зам, – английские, если быть точным, одиннадцать человек. Есть такая группа «Гамма», мы с ними работали несколько раз по разным сложным историям. Но в целом люди безобидные, времена сейчас не те. Однако же репутацию на Западе они старыми делами слегка испортили. Ну и тут в одну блестящую голову пришла следующая идея – создать некий фонд развития телекоммуникаций – не важно, чем он там занимался, но важно, что участвовать в председательском совете фонда согласились вот эти десять ископаемых, – Алексей кивнул на лежащую на столе папку.

– Ну, неплохая идея, в общем, – я отхлебнул из кружки зеленого чая, – эти старперы должны и стоить дешево: у одного угол замка обвалился, у другого овцы всю рожь сожрали и всё такое в этом духе...

Алексей остановил меня энергичным жестом:

– Вот! Вот именно это и должен был подумать каждый уважающий себя пиарщик, только он не будет высказывать эту мысль в Высшей школе экономики во время лекции на английском языке при англоязычных студентах. И уж тем более не будет удивляться тому, что запись этой лекции оказалась сначала в YouTube и потом в почте у главного редактора The Sun...

– Так, – я поднялся из-за стола. И какой идиот до этого додумался?

– Ну как бы сказать – в общем, это ваш приятель Константин, к сожалению.

Константин был одним из динозавров российского PR-бизнеса. На его счету были десятки международных судебных баталий и несколько сделок с бюджетом, равняющимся ВВП Швеции. В общем, один из великих.

– Охренеть, его-то, козла старого, чего понесло? – риторически поинтересовался я.

– Профессиональное выгорание... – вмешался в разговор Стас, моментально забывший о своих попытках укрепить славу российского оружия.

– Стас, ты поменьше на работе читай Headhunter.ru, профессиональное выгорание, мать вашу за ногу! Короче, думайте, что теперь с этой хреновиной делать, через пятнадцать минут общий сбор на «Подводной лодке».

Я решительно поднялся, намереваясь перед совещанием выкурить сигарету во дворе. Такого рода встречи были в агентстве обязательным ежедневным ритуалом – своего рода интеллектуальной разминкой в начале рабочего дня.

«Подводная лодка» – наша переговорная – была оформлена каким-то фриком-дизайнером в «битловском» стиле, но главным достоинством ее было не это. Переговорка была экранирована от прослушки, наверное, лучше, чем кабинет президента. Естественно, это было сделано по бартеру хозяином некой фирмы, попавшим в щекотливую ситуацию в истории с прослушиванием одного крупного федерального чиновника.

В полдень на месте были уже все члены Эскадрона Смерти, как они сами себя называли, отдавая дань уважения известному американскому писателю и редактору американского *Forbes* Кристоферу Бакли. Кроме нас со Стасом в группу входили глава группы зарубежных операций Кристина, эксперт по кибертерроризму Кирилл (пятое место в списке наиболее опасных в России хакеров управления Р), специалист по антикризисному пиару Вика, уже знакомый читателю Алексей и ручной хомяк Томас Питерс, неофициально числившийся в компании заместителем генерального директора по стратегическому консалтингу.

– Итак, господа, сегодня тема нашей лекции – Великобритания. Что каждый из вас знает об этой стране? – поинтересовался я менторским тоном, пытаюсь одновременно справиться с недавно приобретенной за совершенно немислимые деньги кофе-машиной. – Недавно один из наших старых друзей, точнее, **ОЧЕНЬ** старых друзей, немного пошалил и расстроил своих английских партнеров, а заодно и несколько сотен тысяч читателей The Sun. Он, скажем так, позволил себе не совсем уважительно высказаться о нескольких членах высшей палаты парламента. И самое грустное, что он сделал это публично и, более того, под запись. В общем, нас очень просили провести небольшую информационную зачистку.

– Ну, Британия... Кэмден, кокс в Сити продается по кредитным карточкам... – задумчиво произнесла Кристина. – Англичане любят бухать по пятницам и не любят русских...

– Окей, Крис, кстати, спасибо, что напомнила, надо будет почитать твой отчет по представительским расходам по последней командировке в Лондон. Англичане, бесспорно, не любят русских, кстати, а почему? – риторически поинтересовался я, одерживая наконец верх над дьявольским агрегатом.

– Ну, как сказать, они вообще никого не любят, кто не является англичанами. Да, в принципе, они и англичан не очень любят, я бы сказала, что они любят только королеву, – произнесла Кристина.

Вика подняла руку, изо всех сил изображая прилежную школьницу, я кивнул.

– Да, кстати, королева – это мысль, – произнесла она, поднимаясь с кресла. – Мы сейчас, как я понимаю, говорим о памятном выступлении Кости в «Вышке». Так вот, если мне не изменяет память, группа «Гамма» очень не дружит в последнее время с ФК «Синергия», их прямыми конкурентами на важнейшем рынке. Что, если, к примеру, The Sun узнает какую-то ужасную историю про «Синергию», ну, не знаю, они там рыли подкоп под Букингемский дворец, чтобы взорвать королеву, или что-то в этом духе...

Я отпил кофе и задумался, переведя взгляд на Кирилла. Тот оторвался от очередной идиотской стратегической игрушки для iPhone и произнес с чрезвычайно торжественным видом:

– Хакеры!

– Что хакеры, Кирилл, ты можешь использовать предложения, в которых есть подлежащее и сказуемое? – произнес я.

– Ну хакеры! Взломали, например, сервер Букингемского дворца и украли логи посещений Pornhub с планшета принца Уильяма или как его там... Хотя нет, они небось там все ходят с позолоченными мобильниками с кнопками. Нужно что-то в духе Джеймса Бонда, что-то такое, – резюмировал Кирилл.

– Кстати, главное тело «Гаммы» недавно было в Лондоне в составе правительственной делегации, – включилась Кристина. – Что, если, например, «Синергия» прослушивала его, а заодно и членов королевской семьи? Ну там новый Доктор Зло из России, все дела...

– Уже интереснее, – мое настроение слегка улучшилось. – А на фига они их прослушивали? Хотя не суть важно, по ходу придумаете. Тогда с тебя, Кирилл, технические подробности, а с тебя, Крис, английская пресса.

Кристина сделала несчастное лицо, призванное передать всю степень неговорчивости и злокозненности британских журналистов.

– Надо бы инструкцию для наших клиентов написать, кодекс пиарщика там, в таком роде, – проснулся Стас, до этого наблюдавший за ходом дискуссии с видом бывшего врача-психиатра, – три закона пиара, типа «пиарщик не может причинить зло человеку»...

– Да, кстати, – прервал я его, – чуть не забыл. Всем домашнее задание, сочинение. Тема сочинения – педофилы. Подробности смотрите в следующих сериях.

Члены Эскадрона Смерти неторопливо потянулись в сторону рабочих мест.

Я вольготно раскинулся в эргономическом кресле Аегон, собираясь в ближайшие пару часов предаться заслуженному ничегонеделанию, день обещал быть относительно спокойным:

мы закрыли большинство текущих проектов, а новые сюжеты только начинали развиваться, процесс явно не требовал пристального внимания в ближайшие пару дней. Прелесть нашей работы, одновременно и ее неприятная сторона состоит в том, что она оставалась совершенно никому не заметной, до тех пор пока... Раздалось неприятное жужжание телефона, звонок шел с номера Павла, еще одного старого знакомого, работавшего заместителем главного редактора журнала «Валовый продукт» – ежемесячного журнала второго эшелона, считавшегося карманным изданием одного из крупных деятелей экономического блока правительства. Павел был одним из исполнителей по достаточно давно спланированной операции по продвижению идеи приватизации одного из крупнейших в стране производителей алкогольной продукции. Холдинг олигарха Н., являвшегося владельцем компании, задолжал огромные средства нескольким крупным банкам, и теперь Н. с нашей помощью хотел с прибылью для себя реализовать план спасения гибнущего предприятия. Ключевым шагом в плане подготовки спасения было интервью замминистра в «Валовом продукте», в котором высокий чиновник расписывал преимущества перехода винно-водочной отрасли из частных рук напрямую в широко раскрытые объятия государства. Интервью было несколько раз заверено и перезаверено, и сегодня в печать выходил новый номер журнала, который прямо из типографии отправлялся на столы участников специальной комиссии при правительстве, которая была запланирована на шесть часов вечера. Всё бы хорошо, уточнил Павел пугающе беззаботным голосом, но в процессе верстки бильд-редактор неправильно указал имя замминистра на обложке. Номер, как обычно, сдавался в печать в спешке, за пять минут до наступления типографского дедлайна главный редактор подписал обложку. Экземпляры уже лежали на столе главы пресс-службы министерства. Я коротко выругался и, пообещав перезвонить, бросил трубку. Это был крупнейший провал агентства за последние полгода, я машинально чуть не откусил крышку подаренной мне каким-то лоббистом серебряной итальянской ручки.

– Стас, завязывай фигней страдать, подъезжай сюда, случилось страшное, – произнес я, откладывая в сторону ручку.

Он свернул текст многострадального интервью и подкатился ко мне на кресле. Я коротко ввел его в курс дела.

– Так вот, дорогой вы мой товарищ, – произнес я с максимальной серьезностью, – у нас есть где-то около часа на подготовку плана «Б», потом люди в правительстве начнут делать выводы. Делай что хочешь, но если мы с тобой сейчас не прикроемся, к вечеру они сольются с темы, а завтра где-то к обеду у нас в офисе будет представитель заказчика. Лично я не очень хочу с ним общаться. Может быть, ты?

Я развернулся к компьютеру и демонстративно открыл файл с мониторингом, давая понять, что разговор окончен. Внешне я остался спокойным, но в крови бурлила ударная доза адреналина. В подобных ситуациях нужно суметь быстро сгруппироваться и начать смотреть на ситуацию со стороны, трансформировать страх и злость в энергию, нужную для решающего рывка. Да кого я обманываю, нужно просто спасти свою жопу любой ценой. Последний раз я играл в такие игры года два назад, да и век бы их не видеть. На экране высветилось сообщение Стаса, пришедшее по корпоративному мессенджеру. Я щелкнул по ссылке.

Смерь в бутылке

В Подмоскowie расследуют массовое отравление суррогатным алкоголем. Четыре человека скончались, еще четверо – в больнице в тяжелом состоянии. Контрафакт распивали в разных компаниях, но, судя по всему, поставки были из одной партии. По предварительным данным, в обоих случаях в продукции обнаружили одно и то же смертельно опасное вещество.

– Что это за хреновина? – повернулся я к Стасу.

– Назови три признака хорошей новости, пожалуйста, – произнес он менторским тоном, уютно откинувшись в кресле.

– Окей, кроме того, что эта новость придумана нами? Дай вспомнить: в новости должна быть смерть или преступление, она должна касаться каждого, не помню, какой еще фигни мы там напридумывали, кажется, когда готовились к какой-то твоей дурацкой лекции. При чем тут весь этот бред? Какие-то маргиналы отравились паленой водкой, кого это вообще волнует?

Спокойствие Стаса начинало слегка раздражать, однако он, закинув ногу на ногу, продолжил вещать.

– Вот именно, какие-то уроды перепились технического спирта или что они там в эту гадость наливают, – Стас плотоядно облизнулся, явно подумывая сделать пару глотков из припрятанной в ящике стола бутылке виски, – но ты задумайся, сколько таких смертей мы имеем по стране, скажем, за последние три месяца и как так получилось, что вполне трудоспособные и нормальные граждане сотнями погибают от контрафактного алкоголя. Может быть, дело в том, что крупные производители спиртного в погоне за сверхприбылями пренебрегают элементарными мерами безопасности? И не стоит ли задуматься, могли бы мы избежать всех этих так называемых несчастных случаев, если бы...

– Если бы отрасль находилась под контролем государства... – с некоторым сомнением продолжил я.

– Да, и главное, вся статистика уже есть. Сотни жертв, но кого волнуют какие-то маргиналы из глубокой провинции. Никто же никогда не смотрел на это как на проблему глобального масштаба, я бы сказал, что-то типа национального бедствия... – Стас замолчал, вопросительно глядя на меня.

Я одобряюще кивнул и поднял трубку офисного телефона.

– Вика, зайди на минутку, – произнес я в трубку и, повернувшись к Стасу, продолжил. – За это не грех и выпить.

Краткий план действий был готов через тридцать минут и тут же предоставлен пресс-службе министра, как всегда, практическое исполнение, то есть вся грязная работа, оставалось за нами.

– Ребят, я тут вспомнила, как недавно познакомилась с одним парнем, очень забавный, глава такого маленького фонда «Участие», – произнесла Вика, опрокинув фронтовые сто грамм из экспроприированной у Стаса бутылки.

Три года назад Вика отказалась от должности редактора отдела в одной из федеральных газет, решив начать карьеру инструктора по виндсерфингу в Таиланде. Из газетного прошлого она сохранила короткую прическу «под мальчика», умение изысканно ругаться матом и привычку много курить. Когда-то Twilight Media наняла ее в качестве инструктора для гостей семинара, устроенного крупным нефтегазовым холдингом в одном из тайских отелей. Мастер-класс по серфингу был запланирован на десять утра первого дня семинара. Самолет приземлился в аэропорту Бангкока вечером прошлого дня. На пляже тогда оказались я и глава службы безопасности холдинга: мне нужно было следить за организацией встречи, а главный «безопасник» гостей каждый день вставал в шесть утра и занимался спортом – независимо от того, что происходило накануне. Эту счастливую особенность он приобрел еще со времен работы в КГБ. Мастер-класс прошел достаточно успешно.

– И что за «Участие»? Это которые каких-то там котят с попугайчиками спасали? – поинтересовался мой заместитель.

– Да, типа организация безучастных горожан, те же хипстеры, только с социальным подтекстом, – продолжила Вика. – Мусор там убирают, хомячков спасают, неважно. Мы как раз обсуждали с ними планы на будущее. В частности, они планировали партизанскую кампанию по борьбе с пьянством и прочими излишествами. Неизвестные оставляют в разных неблагополучных районах города демотивирующие лозунги.

– Кури, бухай, Антанте помогай! – подключился я, салютуя ей бокалом.

– Ну да, в этом роде, – продолжила менеджер по антикризисному пиару. – На втором этапе активисты движения должны, мне кажется, перейти к прямой агитации, например, разъяснять гражданам в торговых центрах вред алкоголя, – Стас с подозрением покосился в ее сторону, – и, что самое главное, надо бы, чтобы кто-то из них отхватил от разозленных покупателей под камеры, скажем, в каком-нибудь крупном иностранном сетевом магазине. Это будет прекрасным сюжетом для всяких говнопередач типа «Воскресное утро с маньяком-убийцей на НТВ». А на этом фоне серьезные СМИ подводят всякую аналитику, что себестоимость бутылки водки не превышает тридцати рублей, сверхприбыли производящих компаний, рынок конкурируют бренды, платящие налоги за рубежом, тогда как простая самогонщица тетя Маша из-за высоких налогов и коррумпированного участкового...

– Ясно, я понял, – прервал я коллегу, – про тетю Машу – это уже лишнее, а всё остальное давайте. На тебе тогда неравнодушные горожане, а мы со Стасом займемся аналитикой, предварительно согласовав всё с заинтересованными сторонами, – я сделал неопределенный жест рукой, подразумевая наших высокопоставленных заказчиков.

На вечер у меня было запланировано посещение одной из деловых премий «Человек года». Поразительно, как люди в общем неглупые и обладающие определенной долей власти оказываются беззащитны перед лицом разного рода невнятных личностей, ежегодно составляющих десятки рейтингов «самых-самых» и раздающих сотни безвкусно оформленных грамот, которые небезосновательно называют «надгробием». Индустрия награждения существует в туманных сферах, где пересекаются тщательно скрываемое менеджерское тщеславие и цинизм пиарщиков, считающих, что единственное плохое упоминание в прессе – это некролог, тем более что платить за премию всё равно будет компания. Один мой знакомый работал замдиректора крупного регионального производства. В один прекрасный день в секретариат предприятия позвонила некая бойкая девушка и сообщила, что, о чудо, генеральный директор Иван Петрович получил премию «Управление 2000» как один из наиболее эффективных менеджеров в стране. Секретарь в довольно скупых выражениях сообщил, что Иван Петрович уже полтора года находится в местах лишения свободы за хищение государственной собственности в особо крупных размерах. «О, как жаль! – невозмутимо воскликнуло юное создание в рубке. – А кто сейчас занимает его должность? Мы хотим вручить премию ему!»

Премия вручалась в панорамном ресторане гостиницы Swissotel на Павелецкой. Огни ночной Москвы под ногами сливались в ежевечернем хороводе. Тысячи людей внизу отчаянно стремились пробиться через транспортные заторы, оглашая воздух пронзительными гудками и вознося к низко нависшему свинцовому небу самые чудовищные ругательства, проклиная свою работу, город и всех автопроизводителей, сколько их ни есть на свете, только для того, чтобы после краткого ужина и беспокойного сна снова принять участие в таком же изматывающем марафоне, только направленном в обратную сторону. Люди любят панорамные рестораны, некоторые, наверное, из-за красивого вида. Большинство – из-за возможности хотя бы на время почувствовать себя выше других. В целом вечер, как и ожидалось, был скучен. Некоторое оживление внес лишь Лев Евгеньевич, владелец одного из крупнейших в стране холдингов, специализирующихся на IT-решениях. Его главный конкурент Вячеслав Сергеевич получил премию «Бизнесмен года» в номинации «Инновационный бизнес». Когда предприниматель возвращался за свой столик, отяжеленный неприличных размеров позолоченной табличкой со своим именем, Лев Евгеньевич привстал, салютуя ему бокалом, и тихо, но так, чтобы все хорошо слышали, сказал: «За тебя, Слава, сегодня гуляем за твой счет!» Я мысленно зааплодировал и стал пробираться к входу, намереваясь незаметно улизнуть. Неожиданно за одним из дальних столиков я различил скучающего старого знакомого Анатолия. Анатолий сделал блестящую карьеру в одном из крупнейших PR-агентств в стране, возглавив в конце концов отдел по работе с госсектором. Никто не был удивлен, когда он очень своевременно переско-

чил из агентства в заместители гендиректора «Радиотеха», крупного холдинга, специализирующегося на высоких технологиях и промышленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.